АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ · XIV

В. В. ВИНОГРАДОВ

К изучению стиля протопопа Аввакума, принципов его словоупотребления

1

Протопоп Аввакум — один из величайших русских писателей эпохи, предшествовавшей развитию национальной русской литературы. Словесным мастерством Аввакума, блеском и колоритностью его художественной речи восхищались наши классики XIX в. — Тургенев, Л. Толстой, Лесков и др.

Трудно сомневаться в том, что в литературном творчестве Аввакума в силу необыкновенной мощи и широты его стиля нашли острое, хотя и индивидуальное, выражение общие процессы истории русского литературного языка в XVII в. Смешение, чередование, взаимопроникновение и соотношение книжно-славянской и народно-русской речевых стихий, так разнообразно и выразительно представленные в различных жанрах сочинений Аввакума, — процесс, важный и типичный для развития русского литературного языка в целом в его движении к национальной норме словесного выражения. В «Житии» протопопа Аввакума разговорно-бытовой сказ переплетается с книжной церковно-славянской риторикой проповеди, самозащиты и обвинения. «Житие» то облекается в форму агиографической повести о «тесном и скорбном пути истинного христианина», то превращается в страстную защитительно-обвинительную речь по делу никониан и правоверных, дьявола и Христа, то переходит в народно-драматический сказ о приключениях несчастного горемыки. «Красные слова» (красноречие), церковно-книжная речь и просторечие, чередуясь и сочетаясь, в стиле Аввакума вступают в тесное взаимодействие и новый синтез.

Так, в сочинениях протопопа Аввакума народно-разговорные фразовые сочетания развиваются, слова сцепляются в группы как бы с оглядкой, с ориентацией на некоторые центральные церковно-библейские выражения и образы. Эти образы, живые и подвижные, то являются открыто, то образуют лишь смысловой фон, иногда совсем ускользающий, иногда же выступающий явственно и неожиданно в далекой от них словесной сфере. Возникает иллюзия постоянной семантической двупланности (иногда потенциальной). Образуется «приводная речь» (выражение Аввакума). Например: «Я бы и Никона отступника простил, как бы он покаялся о блудни своей ко Христу; ино лиха не та птица» (стр. 118; Житие, редакция Б.).[1] Образ птицы, примененный к Никону,

[1] Здесь и далее цитаты всюду даются по изданию: Памятники истории старообрядчества XVII в., кн. I, в. 1. — РИБ, т. 39. Изд. АН СССР, Л., 1927 (Сочинения юрьевского протопопа Аввакума Петрова).

в своем метафорическом раскрытии вновь соединяется с лексическим значением — блудни, и птица оказывается блудным сыном: «Залетела в пустыя дебри непроходимыя, возвратитися не хощет; питается червьми и змиями и на селах рожьцы ядше со свиниями, а ко отцу возвратитися не хощет и не уйдет от руки господни» (стр. 118).

Так смыкаются два далеких словесных ряда — разговорно-бытовой и церковно-книжный. Образ дикой птицы сочетается с евангельским образом блудного сына.

Проблема метафорических приравнений, иносказаний, «приводной речи» существенна для понимания тех скрытых, «непрямых» значений, которые в церковно-славянском контексте нередко были связаны со словами и выражениями, имевшими своих лексических «двойников», омонимов, в просторечии, с совсем иным семантическим содержанием. Позднее, в XVIII в., особенно во второй его половине и в начале XIX в., многие из этих книжно-славянских выражений, вырванные из своего контекста, при переходе в бытовое «просторечие» резко изменили свой семантический облик. «Приводные» смыслы чаще приходится восстанавливать из контекста. Реже они даны непосредственно в параллелизме сопоставления:

В «Книге бесед», толкуя «апостольское слово» Павла (I Кор. V, 7—8): «...яко мал квас все смешение квасит», Аввакум так поясняет значение «приводной речи»: «Павел... глаголет приводную речь, указуя не в квас, якоже в квас: от мала великая прохиснет, тако и в вас от злоб и лукавства добродетели будут непотребни» (стр. 522). Ср.: «Поспешим и потщимся, дондеже солнце не зайде, сиречь смерть не постигла» (стр. 379)

В «Книге обличений»: «И приводишь в приводе душу человечю, толкуя суматоху, глаголя: Якож-де душа трисоставна-ум, слово, дух — имать един образ, також-де и бог: сын и дух святый во отце соединенно и совокупно, а не слито и не раздельно» и т. п. (стр. 578—579).[2]

Так и в кругу церковно-книжной лексики обнаруживается оригинальное творчество Аввакума, которое направлено в основном на перегруппировку образов и на столкновение их с народно-разговорными выражениями, на образование единых разговорно-книжных семантических систем слов и фразеологических оборотов. Яркое своеобразие стиля Аввакума заключается именно в устранении резкой семантической границы между группами слов — торжественно-книжных и просторечно-разговорных, в острых приемах их лексических и фразеологических взаимодействий и контаминаций.

Так, у протопопа Аввакума при изображении чувств «людей божиих» чаще всего выступают глаголы «плакати», «плакаться»; они гармонируют с образом «прискорбного пути» «в царствие небесное»:[3] «Пред образом плакався довольно о душе своей» (стр. 8); «Плакався пред образом господним, яко и очи опухли» (стр. 9); «Поплакав, глаголи» (стр. 30); «Моляся и плача, говорю» (стр. 55); «много плачючи говорил» (стр. 55); «побьюсь головою о землю, а иное и заплачется» (стр. 47); «я по нем пред Владыкою плакал всегда» (стр. 75); «Аз же без сна ночь ту проводих плачючи» (стр. 935).

С другой стороны, глагол «плакать» постоянно употребляется при описании чувств «детей духовных» к Аввакуму, в быту повседневно-

[2] Ср. принципы истолкования «привода» в «Книге обличений» (стр. 603—604, 901).

[3] Об этой сфере слов мне уже приходилось упоминать в статье «О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития протопопа Аввакума (сб. «Русская речь», в. I. Пгр., 1923, стр. 195—293). Но там мои наблюдения не были доведены до конца.

житейском, усиливая картины их бедствий и беззащитности, выступая как одно из главных обозначений жизненных страданий.

«Без меня жена моя и дети, сидя на земле у огня, дочь с матерью — обе плачют» (стр. 47); «Пестуны, ко мне приходя, плачют» (стр. 33); «Кормлю их (казаков); и оне бедные и едят и дрожат, а иные глядя плачют на меня» (стр. 22); «И все плачют и кланяются» (стр. 33); «Сидя, жене плачущей и детям, говорю» (стр. 37); «Плачючи кинулся мне в карбас» (стр. 39); «С рыданием плачюще и сокружающе мое сердце, далече нас провожали» (ред. В., стр. 164); «Плачють, миленькие, глядя на нас, а мы на них» (стр. 41); «Умному человеку поглядеть, да лише заплакать, на них глядя» (стр. 60); «Всех домашних человек с тритцеть... рыдают и плачют» (стр. 68, ср. стр. 69); «И она... плачючи говорит» (стр. 78); «Села да плачет; есть ей дают: не ест» (стр. 77); «Воевода от них мятежников боялся, лишо плачет на меня глядя» (стр. 173), ср. о себе самом: «Я лишо в окошко глядя поплакал на него».

Всем истинным «духовным детям» Аввакумом дан был дар слез. Федор «стоя часа с три плачет: ...егда уж наплачется гораздо, тогда ко мне приступит» (стр. 56). Но особенно «Афонасьюшко миленькой» «плакать зело же был охотник: и ходит и плачет. А с кем молыт — и у него слово тихо и гладко, яко плачет» (стр. 57).

Любопытно, что из «врагов божьих», из противников Аввакума глагольная форма «заплакал» применяется лишь однажды к Пашкову, и то перед тем, как произнести ему речь Иуды.

В этом обилии слез, характеризующем мир «святых», в этих указаниях на их «слезы» и «плач» в стиле Аввакума был заложен глубокий религиозно-символический смысл. Это один из приемов словесного оформления мира в аспекте церковно-славянской фразеологии и символики. Характеристический внутренний смысл выражений «слезы», «плакаться», «плакать» удобнее раскрыть, обратившись к «Книге толкований и нравоучений». Здесь Аввакум в таком виде развивает образ Псалтыри (XII, 3—4) «быша слезы моя хлеб день и нощь»: «...с каковым тщанием пророк являшеся пред бога и прихождаше со жаждою, яко елень ко источнику, питаяся слезами день и нощь. Сице и нам подобает молитися и также слезами питатися, понеже и Христос плакався Иеросалима, также и на Лазарем, научая нас слезными струями измыватися и питатися» (стр. 448).

Способность «плакать», «питатися слезами», «слезными струями измыватися» органически входит в образ истинного христианина. Об этом Аввакум говорит, рисуя маску сатаны: «Исперва будет казатися людем кроток и смирен, и милостив, и человеколюбив: слово в слово, как Никон, ближней предтеча его, плакать горазд. Я ево высмотрил дияволова сына до мору-тово еще, — великой обманщик, блядин сын! Как-то при духовнике-том, Стефане, вздыхает, как-то плачет, овчеобразный волк... А мир-от слепой хвалит: государь такой-сякой, миленкой, не бывал такой от веку!..» (стр. 460—461).

Развитие церковно-книжного смысла слов «плач», «плакать», «слезы» воплощается в образе «плачевного жития»: «Аще кто не вкусит горести здесь, не имать получити сладости тамо. Всяк бо родится на плач, яко же младенец, рождьшеся от матерни утробы, свидетельствуют, заплачет, из утробы изшед, являя плачевное житие ...аще и кратко се житие, но исполнено мятежа и всяких хлопот; будущий же век — веселие и радость без конца, ея же получат терпяшии здесь» (стр. 483—484). Ср. в письме боярыне Морозовой тот же словесный ряд с дополнениями: «Дние наши не радости, но плача суть...» (стр. 318).

Плач «святого» передается устойчивой формулой: «правовернии... о грешных же тужат и втай пред богом плачют, да же отрадит ему бог в век века. Яко же и Андрей юродивый виде богатаго ко гробу несома и водою смрадною отъ бесови кропяща, плакав о нем святый нощь всю неутешно, яко и очи ему от слез опухли...» (стр. 507).

Ср. в письме к «отцам» Поморским: «Молитеся толко вы о нас крепко и неослабно, господа ради, отцы святии. Мне веть неколи плакать: всегда играю со человеки, таже со страстми и похотьми вьюся окаянный...» (стр. 949).

Экспрессия святых слез, связанная с их словесным выражением, — фразеология иная, чем того житейского плача, который бывает и у «грешных». Аввакум характеризует это различие противопоставлением двух фразовых групп: «У грешных же бабы по мертвых кричат, да вопят, яко неверниии иноземцы: кленут з горя, плачучи, и небо, и землю, и тварь всю, и самому творцу досаждают. Горе тако творящим... Благоразумнии же о мертвых во умилении изливают слезы, без крику и без вопля прося им у Владыки милости, — и се бо есть добро и благоприятно, — богу любезно, а мертвым полезно, а плачющим мздовоздаятелно» (стр. 507—508).

В виде иллюстрации далее дается стилистическое толкование евангельских описаний плача Марии Магдалины («слезы проливала, а не кричала, ни вопила») и Христа над Лазарем («прослезился») и на основании их устанавливается антитеза «смиренного плакания» с «безчинным воплем и плачем по-язычески» (стр. 508).

2

Из церковно-библейского круга Аввакум, как нередко и другие древнерусские книжники, черпает выражения своеобразного строения, обычно составленные из групповых сращений слов. Но характер употребления таких фразеологических единств, часто сохраненных в нераздельной слитности, у Аввакума оригинален. Они преобразуются путем размещения по новым контекстам, путем смысловых «заражений» от необычного словесного соседства, путем стилистического «подновления» самой смысловой структуры фразы, ее сближения с разговорной лексикой, а также путем народно-разговорной реализации церковно-книжного образа.

Прежде всего здесь выступает принцип актуализации, оживления библейских метафор то посредством их лексического развития, то посредством настойчивых сцеплений их с разговорными словами, однородными по значению, а иногда контрастными по смыслу или экспрессивной окраске. Сцепляясь по контрасту и по сходству, библейские образы своеобразно окрашивают сказ, в котором поэтому роями кружатся слова, связанные с одним и тем же рядом предметных смыслов.

Например, повествуя о своем первом падении в духе проложного рассказа (под 27 декабря) Аввакум рисует свой грех символами церковно-книжными: «Аз же, треокаянный врач, сам разболелся, внутрь жгом огнем блудным».[4] И за этой церковно-книжной фразеологией двигаются толпою слова, связанные с сферой огня, горения: «И горко мне бысть... Зажег три свещи... возложил руку... на

[4] Ср. в «Книге толкований и нравоучений»: «Егда в нощи стоишь на молитве и воспалиттися пахотения пламень, остави дело молитвы и угаси палящее, шед к жене своей на ложе» (стр. 543).

пламя, и держал, дондеже во мне угасло злое разжение» (стр. 9). При таком словоупотреблении происходит как бы столкновение двух рядов значений — реального и метафорического (ср. в «Отразительном писании»: «згорехом и горячее горе получихом; се гори, о горе и увы нам. . .»).[5]

У Аввакума также наблюдается иногда тенденция к звуковой игре тавтологическими сцеплениями: «Оттоле в Риме и повсюду нача болезнь болети болезненно» («Книга бесед», стр. 276).

В следующем же эпизоде открывающая сказ о нем библейская цитата «...объяша мя болезни смертныя...» ведет за собой цепь словесных образов, гиперболически освещающих реальный в основе своей факт: «...до смерти меня задавили. И аз лежа мертв полчаса и болши». И будто бы непроизвольное течение таких словосочетаний контрастно размыкает новая стилистическая формула библейских текстов: «...и паки оживе божиим мановением» (стр. 10).

Любопытно, что это чудо, обостренное последовательным развитием словесного библейского образа, в другой редакции «Жития» (В) Аввакум, может быть, сам смягчает, заменив выражением «лежал в забытии» первоначальную фразу «лежа мертв».[6]

Если в этом стремительном движении слов из одного семантического гнезда, в этих острых столкновениях разных значений слов из одной и той же лексической сферы обнаруживается подвижность, живая действенность литературно-смысловых систем слов в художественном стиле Аввакума, то в неожиданных сопоставлениях выражений с ослабленной смысловой связью, слов и фраз из разных лексических гнезд проявляется острота его этимологического чутья, его живое поэтическое отношение к слову. Здесь для стиля Аввакума характерно сближение разошедшихся семантических рядов или слияние омонимических сфер, когда одно слово вызывает другое, фонетически близкое, иногда же и этимологически родственное, но уже успевшее дифференцировать свое значение и обособиться. От их сопоставления получается неожиданно новая смысловая окраска — рождается каламбур. Такая игра слов в «Житии» Аввакума ощутима, например, в этих сцеплениях: «Я и к обедне не пошел и обедать ко князю пришел» (стр. 46); «Книгу Кормчию дал прикащику и он мне мужика кормщика дал» (стр. 38); «Как поруга дело божие и пошел страною, так и бог к нему странным гневом!» (стр. 48—49); ср. в письме к Мелании: «...мене страннаго, устраншагося бога и человек, не отриньте от своего достояния» (стр. 401).

В таких случаях каламбур, основанный на этимологизации, как бы возвращает слову его «этимон», оживляет его забытое «коренное» значение, сливая два разделившихся лексических ряда. Фактически же получается семантическое «взаимоосвещение» двух омонимов, которое создает новые смысловые оттенки в значениях лексем.

Этимологизация с лингвистической точки зрения может быть ложной. Каламбур тем острее, чем менее он вытекает из привычных норм смысловых соотношений, чем он индивидуальнее. Поэтому неожиданное сопоставление неполных омонимов, которое вполне понятно только в данной ситуации, особенно поразительно. Например: «Два у меня сына в тех умерли нуждах, не велики были, да однако детки, пускай их, не гдеся денут» (стр. 182); «Златоуст его (Антиоха) антихристом же зовет,

---

[5] *Отразительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей.* — ПДП, в. 108. СПб., 1895, стр. 76.

[6] См. мою статью «О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития протопопа Аввакума» (стр. 221—223).

понеже-де и имя противное содержит: анти, еже есть противник, а ох — обладатель. Охнул от него Израиле-т бедной» (стр. 463).

Неполная омонимия может быть не лексикологической, а морфологической. Никакой этимологизации не происходит, но игра созвучиями подчеркнута синтаксически. Созвучия отдельных частей слова создают необычное их смысловое истолкование. Получается каламбурно-морфологическое переосмысление слова, которое непривычно, индивидуально переразлагается на образующие его морфемы. Стилистически это новое понимание слова выражается в сопоставлении его с такой лексемой, которая имеет общие с ним звуковые части: «В то же время родился сын мой Прокопей, который сидит с матерью в земли закопан» (ред. В, стр. 92).

В других случаях упор на подобозвучие, на омонимию может создаваться почти полным звуковым единообразием сближенных слов, далеких по значению, и без явного тяготения к морфологическому переразложению: «Невозможно оком единем глядети на землю, а другим на небо, такоже сластем и страстем работати» (стр. 828); «Как я, мазав маслом святым да потом шелепом свитым; Твори молитву Исусову, бешенный страдник!» (стр. 591).

В сущности, всякое употребление слова в новом, индивидуально окрашенном смысле, всякое применение его к иному, не подводимому под него в системе языка кругу значений и явлений может быть обозначено и осознано как игра слов. Она начинается тогда, когда подчеркивается возникновение нового значения слова посредством сопоставления его с традиционным употреблением того же слова. Индивидуальная метафора по отношению к социальной системе языка ведь всегда сначала представляется художественно-стилистическим омонимом созвучной лексемы и на ее фоне понимается и усваивается. Этот прием в «Житии» Аввакума и других его сочинениях одинаково встречается в лексике и церковно-книжного и разговорно-просторечного слоев стиля. Например: «Вот вам и без смерти смерть! Кайтеся, сидя, дондеже дьявол иное что умыслит. Страшна смерть: недивно!» (стр. 62).

Близкие к каламбуру формы игры слов возникают при столкновении двух слов с противоположными рядами значений и с контрастной экспрессивной окраской. Когда эти слова иронически приравниваются одно к другому, как бы взаимно поясняя свой «вещественный» смысл, то семантическая характеристика каждого из них оказывается опрокинутой, вывернутой наизнанку. Следовательно, в этом случае звуковое подобие или совпадение совершенно отсутствует. Каламбурность покоится на предметно-смысловом сближении энантиосемических (т. е. противоположных по значению) словесных рядов. Естественно, что и в этом случае границы между книжными формами и просторечием стираются: «Мы за одно воровали, — от смерти человека ухоронили, ища ево покаяния к богу» (стр. 40). Другой пример осложнен каламбурно-метафорической антитезой: «...от меня и от братьи дьяконово снискание послано в Москву правоверным гостинца, книга „Ответ православных“... И за вся сия присланы к нам гостинцы: повесили на Мезени в дому моем двух человеков, детей моих духовных» (стр. 61);[7] ср. в «Книге бесед»: «...гостинцы неладны привез: по правую руку крыж латынской вез, а по левую крест Христов» (о патриархе Иосифе, стр. 276).

[7] Ср. иронию в употреблении близких по значению к «гостинцу» метафор: «...зело там употшивали палками по бокам и кнутом по спине 72 удара» («Книга бесед», стр. 248); «Пряно вино: хорошо умели никонияне употшивать...» (стр. 250).

Меняют смысловой облик слова не только приемы сопоставления, но и формы противопоставления.

Контраст может быть стилистически экспрессивным. Пренебрежительной формуле просторечия с той иной целью противостоит торжественно-книжное выражение: «Он меня лает; а я ему рекл: „благодать во устнех твоих, Иван Родионович, да будет“» (стр. 11). Так Аввакум показывает пропасть между собой и псом-начальником, который ему «у руки огрыз персты, яко пес, зубами» (стр. 10).

Антитеза бывает предметно-смысловой. Иногда она основывается на функциональном несоответствии противопоставляемых слов: «Аз же, взяв клюку, а мать — некрещенова младенца, пошли з братьею и з домочадцы, амо же бог наставит» (стр. 164). Иногда же эта антитеза построена на метафорическом, каламбурном переосмыслении одного из членов противопоставления: «молод леты — годов в полтретьятцеть, да ум столетен» (стр. 205);[8] «Они ж не имут что отвещати ми, вяжут да куют меня. Но слово божие не вяжется» (Письмо «чаду о господе», стр. 954);[9] «Вы постигосте верси горам, а мы получихом верси бедам» (стр. 949).

Контраст бывает основан и на игре приставок: «И о сем твоем *из*умлени и *без*умни и играют, а *раз*умни и рыдают» (стр. 618). Особенно эффектны контрасты с рифменными соответствиями: «Людем казался благ, а внутрь враг»; «Перед человеки являются свят, а по внутреннему человеку клят» («Послание братии на всем лице земном», стр. 777).

Смысловая антитеза иногда заостряется синтаксически: «Также в Никитин день ход со кресты, а меня паки на телеге везли против крестов» (стр. 18).

В других случаях на основе контрастного сцепления слов происходит нейтрализация соединенной с каждым из них экспрессивной окраски, и возникает новый символ (оксиморон): «Остриг ево овчеобразный волк» (в редакции Б, стр. 171); ср. в «Книге бесед»: «Грех ради моих суров и безчеловечен человек» (стр. 175; ср.: «человеколюбив человек бысть», стр. 333).

Неожиданное сравнение по своей функции занимает середину между антитезой и каламбуром. Семантическое прикрепление к последовательно развивающейся фразовой цепи «бокового» звена иного стилистического колорита в форме сравнения не только передвигает значения всего словесного ряда, меняет его экспрессию, но и «обманывает», нарушает возможные смысловые разрешения, включая их в новое многозначное стилистическое единство: «...волоча впредь и взад 12 лет, паки к Москве вытощили, яко непогребеново мертвеца» (стр. 247—248); «В еретиках жестоки нравы и неизвратны на благое; зудит так его *слово-то правое, яко мозоль*» (стр. 494).

Форма сравнения является также одним из приемов выхода за пределы церковно-книжной лексики.

У Аввакума сближение словесных рядов в сравнении чаще всего осуществляется при посредстве глагола, который становится семантическим центром двух синтагм, двух фраз и как бы внутри себя реализует борьбу, перелом двух значений: «Так-то у еретиков тех у всех вымысл: верхи у Писания — тово хватают, что мыши углы у них — тех угры-

---

[8] Ср.: «Словом духовнии, а делом беси» (стр. 779).

[9] Ср.: «Слово божие не вяжется» — цитата из 2 посл. ап. Павла Тимоф., II, 9 (стр. 820).

зают, а внутрь лежащего праведне не мало...». Каламбурная природа этого сравнения подчеркивается далее подбором рифм:

А иные и знают,
да ухищрениям занимают,
и всем хотящим спастися запинают..
(стр. 373).

«Разумееши ли кончину арапа онаго, иже по вселенной и всеа Русския державы летал, яко жюк мотылный из говна прилетел и паки в кал залетел, Паисей Александрийский епископ?» («Книга толкований и нравоучений», стр. 568); ср.: «Не мочно твоего плетения расковырять. Яко лапоть сковырял ты, да и цены потерял...» (стр. 605).

3

Острому сочетанию разных «родов глаголания», разных видов литературной речи в стиле Аввакума содействовал диалог.

Диалогом вводятся в повествование новые формы экспрессии, разговорно-фамильярные слова и выражения, необычные для рассказа синтаксические приемы. Эмоциональное значение слов здесь получает объяснение в описании сопровождающих реплику движений. Например: «...выбежала жена его Неонила и ухватила меня под руку, а сама говорит: „поди-тко, государь наш батюшко, поди-тко, свет наш кормилец“» (стр. 12). Угодливость жеста связывается с обилием почтительно-ласкательных обращений: «государь наш батюшко, свет наш кормилец» и просительным значением частицы «-тко» при императиве.[10] Но в своем ответе Аввакум разоблачает смысловую функцию этой экспрессии, открывая ее скрытые причины: «И я супротив того: „Чюдно! давеча был блядин сын, а топерва: батюшко! Болшо[11] у Христа-тово остра шелепуга-та: скоро повинился муж твой!“» (стр. 13).

Диалог соотношениями реплик и формами своего отношения к повествованию создает иногда своеобразную игру слов и смыслов: «...вывели меня ночью к спалному крылцу... чаял в реку посадят, ано от тайных дел шиш антихристов стоит, Дементей Башмаков, дожидается меня, учал мне говорить: „протопоп, велел тебе государь сказать — не бойся ты никово, надейся на меня!“ И я ему поклонясь, а сам говорю: „челом, реку, бью на ево жалованье; какая он надежа мне? надежа моя Христос!“ Да и повели меня по мосту за реку; я идучи говорю: „не надейтеся на князи, на сыны человеческия, в них же несть спасения“...» (стр. 199). Так, Аввакум, путем подведения царских и своих слов под библейский текст, по-новому освещает тему своего диалога с «шишом антихристовым».

Но вообще реплики персонажей — лаконические, необычайно скорого темпа, ограничены не только повествовательным контекстом, но и определенными «характерологическими ситуациями».

Персонажи «Жития» обычно узнаются по репликам, как авторы по отрывкам их сочинений. Их отношение к вещам и событиям как бы запечатлено прочно в определенных формулах. И Аввакуму приходится лишь напоминать эти характеристические знаки образа. Например, вожди никониан, «наши» (по иронической терминологии Аввакума) так «блюют» на отцов своих: «Глупы-де были и несмыслили наши русские святыя, неучо-

[10] Аввакум в «Книге толкований и нравоучений» сам поясняет экспрессивный смысл этих обращений: «Дондеже ядят, и оне ево блажат: миленькой, кормилец наш...» (стр. 482).

[11] Северновеликорусское вводное слово означает «должно быть», «по-видимому».

ные-де люди были, — чему им верить? Оне-де грамоте не умели» (стр. 59). Ср. ту же реплику в устах Илариона и Павла — с иной экспрессией: «Аввакум милой, не упрямься, что ты на русских святых указываешь, глупы наши святыя были и грамоте не умели, чему им верить» («Книга бесед», стр. 292). В «Книге толкований и нравоучений», при рассказе о Манасии: «И Авраам отец стал. А до тово глупым звал, как и в Московском сонме: глупы-де были русские наши святыя, грамоте не умели!» (стр. 469).

Только Аввакум — один из всех персонажей «Жития» — в бытовом диалоге достигает высоты церковного ораторства: в беседах со своими детьми духовными и врагами он величественно пользуется библейско-церковными символами: «И я рек: восстани! бог простит тя!» (редакция В; ср. стр. 22, 25, 28 и многие другие). Однако формы диалогической драматизации в тех частях «Жития», когда обмен репликами развертывается в драматическую сцену, носят яркую печать вытовой народно-сказовой экспрессии (ср. разговор Еремея с Пашковым — стр. 36; сцену с мужиком и протопопицей — стр. 31—32; разговор с царем — стр. 44—45 и многие другие).

4

Таким образом, стиль «Жития» протопопа Аввакума, как и многих, едва ли не большинства других его сочинений, представляет сложную систему закономерно чередующихся словесных форм: простодушно-деловой сказ то разнообразится раскатами патетических тирад или торжественным чтением библейских текстов, которое временами переходит в ораторскую речь, проповедь; то уснащается каламбурами, шутливыми народными присловьями («и мы то уже знаем: как бабы бывают добры, так и все о Христе бывает добро», стр. 44; «А ты душе, много ли имеешь при них? Разве мешок, да горшок, а третье лапти на ногах», «Книга бесед», стр. 252—253; «Люблю брата, яко фусточку, себя же вменяю пред ним, яко онучку», стр. 952; «Отольются медведю коровьи слезы», стр. 784; «Отольются медведю ослины слезы», стр. 808), двустишиями; то превращается в ритмически размеренное, торжественное богослужение. Анализ стиля сочинений протопопа Аввакума открывает сложные формы семантического сплетения и слияния церковно-книжной фразеологии и мифологии с устно-поэтической речью, с народно-мифологическими образами и выражениями, с приемами бытового разговора и сказового повествования.

На остром сочетании в структуре одного и того же литературного произведения тех форм словесного творчества, которые были разобщены в речевой практике XVII в. по жанрам и частично даже выходили за пределы «литературы» в понимании той эпохи, в «Житии» протопопа Аввакума был воздвигнут сказовый жанр агитационной автобиографии «изящного страдальца», символически раскрывающей жизненный путь «истинного христианина».

«Житие» протопопа Аввакума — произведение не только художественно-повествовательное, поэтическое, но и риторическое. Как риторическая проповедь, направленная к экспрессивному воздействию на слушателя, оно создавалось по законам слушателя своей эпохи, по законам его речи и понимания. Этими проповеднически-агитационными функциями своими оно тесно связано с культурно-исторической обстановкой социальной борьбы XVII в. и с присущими ей литературными формами выражения.